

Почему мы так говорим?

Сергей Шевченко

Существует особый язык науки, отличный как от разговорного, так и от литературного. На мой взгляд, научной лингвистике пора перейти от констатации реальности ее предмета к решению вопроса, поставленного в заголовок этой заметки. В самом деле, почему взрослые и цивилизованные люди строят деловое общение на совершенно прозрачных эвфемизмах — так же, как это делают дети и живущие в условиях первобытно-общинного строя аборигены джунглей? Почему мы, например, пользуемся термином «пероксидаза хрена», а не «хреновая пероксидаза», более или менее понятно. Но вот почему:

мы говорим:	там, где следует сказать:
Эта работа выполнена с определенными погрешностями.	Определенно, грех выполнять такие работы.
В ходе длительных исследований авторы пришли к выводу, противоположному их первоначальному предположению; впоследствии их концепция претерпела дальнейшие изменения.	Авторы так долго ходили вокруг, что совершенно затоптали эту научную полянку.
В работах... сообщалось... Однако существует иная точка зрения...	Кто-то из них определенно дурак, но не могу же я написать, что не знаю — кто.
Результаты представляют интерес для практики.	Результаты не представляют интереса для теории.
Результаты представляют теоретический интерес.	Результаты не представляют практического интереса.
...В силу значительных экспериментальных трудностей.	...В силу незначительных экспериментальных навыков.
...Поскольку данный метод мы нашли наиболее подходящим для решения названной задачи.	...Поскольку у нас был этот прибор.

Так в самом деле, почему?

(Химия и жизнь)